

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 159.961.3

Н. Н. Власова

МАГИ (ФАНШИ) В ОФИЦИАЛЬНОЙ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИИ. БИОГРАФИЯ ГУАНЬ ЛУ. ЧАСТЬ 1

На протяжении веков в Европе и России люди, обладавшие тайными знаниями и общавшиеся с потусторонними силами, были интеллектуальными маргиналами, и хотя их де-факто привлекали на службу во имя отечества, но старались этого не афишировать, поскольку де-юре церковь осуждала занятия магией. Например, придворные врачи, которых в XV в. призывали на службу великие московские князья, обязаны были быть знатоками алхимии и астрологии, хотя официально эти занятия осуждались как ересь [1, с. 46]. В Китае же ситуация складывалась совершенно иначе. Издревле в Китае процветал культ учености, поэтому любой человек, обладавший знаниями, пускай и не входившими в сферу официальной учености, вызывал уважение и маг мог быть поставлен на государственную службу. В первой части статьи на примере жизнеописаний магов-фанши мы рассмотрим ту роль, которую они играли в социальной и политической жизни Древнего Китая, а детально рассмотрению биографии одного из величайших магов периода Троецарствия Гуань Лу будет посвящена вторая часть.

Маги, т.е. специально обученные миряне, которые производили тайные обряды в целях установления контакта со скрытыми от людей могущественными силами и воздействия их посредством на действительность, в Китае обозначались термином «фанши» (方士). Одно из первых его упоминаний встречается в тексте «Чжоуского церемониала» («Чжоу ли», 周禮), входящего в состав конфуцианского собрания классической литературы «Тринадцатикнижие» (кит. *Шисань цзин*, 十三經), из которого видно, что заклинатели духов состоят на службе у правителя и причислены к военному ведомству, что подтверждает и словарь официальных титулов императорского Китая, составленный Чарльзом Хакером [2, с. 209]. В одном из фрагментов текста рассказывается о фансянши, в обязанности которых вменялось изгнание демонов из домов и могил знати. В нем описывается, как чиновники, облачившись в медвежьи

шкуры с четырьмя золотыми глазами, в красных халатах и черных накидках, вооружались клевцами¹, рыскали по домам, дабы изгнать демонов, или перед погребением прыгивали в могилу, размахивая клевцами, чтобы отпугнуть нечисть («Чжоу ли», цз. 8, разд. «Колдуны» (Фансянши, 方相士) — 3, т. 1, с. 471).

Культура ученой магии, представителями которой были маги-фанши, достигла расцвета в эпоху Хань (漢, 206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), особенно в период правления ханьского императора У-ди (漢武帝, 147—86 гг. до н.э.), прославившегося своим увлечением колдовством, поисками бессмертия и общением с потусторонними силами. Пока власть благоволила к ним, маги-фанши, даже занимая незначительный пост при дворе или вовсе не занимая никакой должности, могли оказывать существенное влияние на императора и его приближенных. Благоклонность императоров можно было завоевать, оказывая правителям помощь по нескольким направлениям. Во-первых, фанши должны были поддерживать здоровье императора, кроме того, они должны были интерпретировать различные предзнаменования и предсказывать будущее, направляя тем самым императора, чтобы в конечном счете его решения одобрило Небо. Помимо этого фанши занимались ведением календаря и общались с духами, причем чаще всего были не универсальными специалистами, а, если можно так сказать, профильными, т.е. не обязательно владели всеми техниками, а чаще какой-то одной. Например, в «Позднеханьской истории» встречаем жизнеописание мага Лю Гэна (劉根), который, когда правитель области (кит. тайшоу 太守) арестовал его за занятия магией, честно признался, что ничем не отличается от обычных людей, разве что способностью заставлять других видеть духов: «Лю Гэн был уроженцем Инчуань и жил отшельником на вершине горы Суншань. Всем, кто хотел учиться у него, приходилось приезжать издалека и познавать Дао. Местный тайшоу по имени Ши Ци счел Лю Гэна демоном, велел заключить под стражу и постоянно спрашивал: “Каким магическим искусством ты обладаешь, что смог одурманить людей? Если ты действительно обладаешь выдающимися способностями, то продемонстрируй их, соверши что-нибудь, в противном случае умрешь”. Лю Гэн отвечал: “Я не умею делать ничего особенного, разве что развил в себе способность заставлять людей видеть духов”. Ци велел: “Тогда прямо сейчас вызови-ка духов, чтобы я увидел их своими глазами, это будет доказательством!”. Гэн повернулся налево и свистнул, и тут же перед ними возникли покойный отец, дед и еще несколько умерших близких родственников Ши Ци, руки их были связаны за спиной, все они низко поклонились Гэну и сказали: “Наш потомок обращался с вами без должного уважения, ему положено десять тысяч взысканий!”. Потом они обернулись к Ши Ци и закричали: “Ты наш потомок, но не можешь сделать ничего хорошего для предков, а вместо этого, наоборот, позоришь усопшие души и доставляешь неприятности ушедшим душам! Ты должен пасть ниц, чтобы извиниться перед нами!”. Ши Ци был потрясен и расстроен, он бился головой об пол, пока не разбил лоб в кровь, и умолял подвергнуть его взысканию. Гэн стоял молча и ничего не отвечал, а потом вдруг исчез, и никто не знает, куда» (Хоу Хань шу (Позднеханьская история), 後漢書, цз. 113, разд. «Лечжуань» (列傳), ч. 72, «Биографии магов» (Фаншу лечжуань, 方術列傳), нижняя часть, — 4, т. 2, с. 1042).

Поскольку зачастую маги владели совершенно разными техниками, некоторые исследователи считают, что общее для магов название «фанши» может быть связано

---

¹ Разновидность холодного оружия ударного действия типа багра.

с биномом «сыфан» (四方), обозначающим дальние края, т. е. фактически фанши — это «другие», люди, обладавшие «иными» знаниями [5, с. 3].

Изучение деятельности магов-фанши осложнено рядом обстоятельств. Начнем с того, что первичным источником наших знаний о самых ранних фанши являются династийные истории, но сведения, содержащиеся в них, нельзя назвать обширными. Например, в «Позднеханьской истории» находим несколько «биографий» магов длиной в пару строк, чаще всего отражающих какое-то яркое событие из жизни фанши, например такие: «Никто не знал, откуда родом Цзи Цзысюнь, но считалось, что ему больше ста лет. Жил он среди обычных людей. Как-то утром он сказал, что в полдень умрет. Хозяин дал ему хлопковую одежду. Цзи Цзысюнь облачился в нее, аккуратно лег на кровати и, когда наступил полдень, действительно скончался» (Хоу Хань шу (Позднеханьская история), 後漢書, цз. 113, разд. «Лечжуань» (列傳), ч. 72, «Биографии магов» (Фаншу лечжуань, 方術列傳), нижняя часть, — 4, т. 2, с. 1042). «Шан Чэнгун жил в уезде Ми. Он уехал далеко и долго не возвращался, а потом вернулся и сказал родным: “Я достиг бессмертия”. попрощался с семьей и ушел. Родные наблюдали, как с каждым шагом он поднимается все выше. Прошло некоторое время, и его не стало видно. Чэнь Ши и Хань Шао вместе наблюдали это событие» (там же).

Нельзя назвать сведения, содержащиеся в династийных историях, и беспристрастными, ведь в те исторические периоды, когда фанши находились на пике влияния, конфуцианцы, отвечавшие за составление официальных хроник, относились к ним весьма предвзято, в итоге влияние фанши на государственную политику сильно недооценивалось. К примеру, в «Исторических записках» Сыма Цяня в разделе «Жизнеописание» в главе 74, посвященной Мэн-цзы и Сюнь-цзы, содержатся сведения о Цзоу Яне (騶衍), который распространил идею цикличности пяти элементов на исторический процесс и исходя из этого описал благоприятные знамения и дурные предзнаменования [6, с. 169]. Создается впечатление, что Сыма Цянь весьма высоко оценивает вклад Цзоу Яня в том числе и в теорию мантики, однако чуть ниже историк высказывается весьма скептически по поводу роли фанши в обществе, проводя параллели между Цзоу Янем и И Инем (伊尹), советником иньского правителя Чэн Тана, который не гнушался дружбой с поваром, лишь бы иметь возможность сблизиться с правителем и влиять на него. Подобный скептицизм стал обычным делом, когда речь в династийных историях заходила о магах. Конфуцианцы считали право колдунов участвовать в жизни государства в высшей степени спорным, поскольку единственно верным являлось, по их мнению, лишь одно учение — их собственное, тем не менее даже конфуцианцы относились к колдунам достаточно терпимо, ведь и самым непримиримым приходилось время от времени обращаться к ним за помощью.

Необходимо отметить, что составители династийных историй не всегда понимали суть магических практик, о которых писали. Сами они причину видели в утрате древних текстов — в этом чаще всего винили императора Цинь Шихуанди, который относился к прошлому без должного пиетета и сжег древние книги. В предисловии к биографиям магов в составе «Позднеханьской истории» автор сетует, что фундаментальные труды по магии недоступны, теория инь и ян, а также основы астрологии и ведения календаря часто упоминаются в классических сочинениях, но, увы, сами тексты надежно спрятаны в архивах и недоступны для прочтения (Хоу Хань шу (Позднеханьская история), 後漢書, цз. 82, разд. «Лечжуань» (列傳), ч. 72, «Биографии магов» (Фаншу лечжуань, 方術列傳), верхняя часть, — 4, т. 2, с. 1038).

Постепенно складывалась и традиция составлять так называемые неофициальные жизнеописания «бечжуань» (別傳), которые обычно писали родственники или ученики, поэтому подобные биографии, не входившие в корпус официальных династийных историй, зачастую содержали более обширные и неформальные сведения и были написаны с меньшим скепсисом. Например, текст неофициальной биографии Гуань Лу, знаменитого гадателя, жившего в период Троецарствия, о котором мы еще расскажем, написана его младшим братом. Из подобных биографий, собственно, и выросли ранние прозаические произведения, которые также использовали технику исторического жизнеописания. Такие рассказы в отличие от своего прототипа во главу угла ставили не исторический факт, а скорее анекдот, и жизнеописания магов, особенно неофициальные, были кладезем материала для писателей. В III–VI вв. проза сделала следующий шаг в развитии, и появился жанр «чжигуай сяошо» (誌怪小說, рассказы о сверхъестественном), формальные особенности которого замечательно охарактеризовал Л. Н. Меньшиков: «Сяошо III–VI вв. представляют собой короткие рассказы (от одной-двух строк до одной-полутора страниц) о страшных и невероятных происшествиях или же записи об удивительных случаях, происшедших с известными людьми» (цит. по: [7, с. 81]). Жизнеописания магов-фанши как нельзя лучше подходили в качестве «сырья» для таких сяошо, а в дальнейшем и для новелл в жанре чуаньци (傳奇, букв. «повествование о необычайном»), в которых популярны темы вещей снов, взаимоотношений с потусторонним миром, переселения душ и перевоплощения человека, навеянные буддизмом и даосизмом, а также поисков бессмертия.

Биография знаменитого фанши Гуань Лу (管輅) является самой длинной и детальной из всех жизнеописаний магов в династийных историях. Основные источники наших знаний об этом маге — официальное жизнеописание в исторических хрониках периода Троецарствия, созданных Чэнь Шоу (陳壽), которое в V в. историк Пэй Сунчжи (裴松之) расширил и дополнил комментариями, причем базировался Пэй на сведениях из «Неофициальной биографии Гуань Лу», написанной младшим братом прославленного прорицателя Гуань Чэнем (管辰). Слава Гуань Лу намного пережила его самого. Рассказы о нем встречаем в известных сборниках новелл в жанре чжигуай сяошо, о которых говорилось выше, — «Ши шо синь юй» (世說新語, «Новое изложение рассказов, в мире ходящих») Лю И-цина (劉義慶) и «Соу шэнь цзи» (搜神記, «Записки о поисках духов») Гань Бао (幹寶). Кроме того, Гуань Лу — герой средневекового романа «Троецарствие», сюжетную канву которого составили эпизоды династийной истории. Гуань Лу стал своего рода эталоном для прорицателей и, по меткому сравнению Эндрю Мейера, в свое время достиг тех же вершин, что и личный астролог четы Рейган Джоан Куингли, которая принимала активное участие в жизни главы государства и с которой президент США советовался буквально по каждому поводу [8, с. 64].

Биография Гуань Лу, которая будет рассмотрена во второй части статьи, иллюстрирует ту роль, которую играли маги-фанши в политической и светской жизни Древнего Китая. Не будучи крупным чиновником, не совершив подвигов на военном поприще, Гуань Лу, тем не менее, прославил свой род в веках именно благодаря мантическому искусству. Биография Гуань Лу наряду с жизнеописаниями других магов фанши служит отличным материалом как для исследователей магических практик, так и для литературоведов, поскольку, как уже говорилось выше, тексты жизнеописаний фаншу дали толчок к созданию произведений в других жанрах, послужив своеобразным фундаментом. Кроме того, они являются и интересными примерами

собственно исторических жизнеописаний со всеми их формальными особенностями: церемониальностью повествования, т. е. соблюдением определенного этикета словесного выражения, высоким стилем, крупномасштабными временными пассажами, рассказом о жизни персонажа вплоть до смерти, достаточно узким кругом героев, чаще всего принадлежащих к верхушке общества, упоминанием о родне и предках персонажа и т. д. При этом в биографиях нет единой сквозной линии, и отдельные события следуют друг за другом по принципу хроники. Однако текст жизнеописаний далеко не так прост, как кажется, поскольку в нем содержится большое количество иносказаний, аллегорий и аллюзий, то и дело даются скрытые или явные отсылки к классическим текстам, которые должен был знать образованный китаец, упоминаются прямо или косвенно различные исторические персонажи, за счет чего внутри отдельных эпизодов создается еще одна скрытая линия повествования.

Литература

1. Райан В. Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
2. Hucker Ch. A dictionary of official titles in imperial China. Stanford University press, 1985.
3. Ши сань цзин (Тринадцатикнижие). 十三經. Шанхай, 1997. Т. 1–2.
4. Эр ши у ши (Двадцать пять династийных историй). 二十五史. Шанхай, 1986. Т. 1–12.
5. De Woskin K. Doctors, diviners and magicians of ancient China. New York: Columbia university, 1983.
6. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII / пер. Р. В. Вяткина. М., 1996.
7. Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. Т. 3. Литература, язык и письменность.
8. Meyer A. Biography of Guan Lu // The human tradition in premodern China. SR Books, 2002. P. 57–77.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2011 г.